

Сергей Абашин

Росен Джагалов. От интернационализма к постколониализму: литература и кинематограф между вторым и третьим миром. Пер. с англ. Татьяны Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 432 с. ISBN 9785444827123.

*Сергей Абашин, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия.
sabashin@eu.spb.ru.*

Совсем недавно в (пост)советские исследования пришли постколониальные теории, а история и современность стали все чаще рассматриваться в их рамке, привлекающей к пониманию (пост)социалистического «второго мира» примеры и сравнения с «третьим миром». С одной стороны, череда такого рода публикаций и переводов на русский язык вызывает энтузиазм у некоторых ученых, увидевших в этом сравнении возможность выйти из региональной изоляции и использовать уже апробированные и признанные концептуальные формулы из аналитического багажа постколониальных теоретиков. С другой, такое вторжение новой теории в исследования советского периода одновременно рождает недоумение и протесты у тех обществоведов, для кого это выглядит угрозой потери уникальности советского опыта, его игнорирования и маргинализации в мировой академии. Эти споры решают вопрос о будущем (пост)советских исследований: сохранятся ли они в форме отдельной большой дисциплины или же расплывутся между многочисленными тематическими studies.

В своей книге, в оригинале изданной в 2020 году, доцент Нью-Йоркского университета Росен Джагалов предлагает если не выход из этого противостояния разных позиций, то во всяком случае изящный способ объединить интересы двух лагерей через историзацию постколониальной мысли. Он предлагает посмотреть не на то, как постколониальная теория влияет на понимание советскости, а на то, как советская история и идеология повлияли на постколониальную теорию. «Советская перспектива позволяет, – пишет исследователь, – под новым углом посмотреть на историю африканской, азиатской и латиноамериканской культуры, почти всегда изучаемых обособленно либо во взаимодействии с современным Западом» (с. 12). Такой ракурс сохраняет постколониальную теорию в фокусе внимания и помещает ее в советскую историю, при этом оставляя за советским опытом значимое место в истории XX века как одного из главных источников зарождения постколониальных импульсов в современном мире.

Джагалов продолжает размышления Веры Тольц ([2011] 2013), в монографии «Собственный Восток России» тоже пытавшейся проследить альтернативную советско-российскую генеалогию постколониальной мысли. Последнюю она возводила не к Эдварду Саиду, а к позднеимперским и раннесоветским востоковедам, которые, по ее мнению, оказались предтечами критики ориентализма. Правда, Джагалов, в отличие от Тольц, рассматривает не имперский и раннесоветский (постимперский) периоды, но историю СССР в целом; кроме того, вместо академической науки он обращается к художественной литературе и кино. Автор прежде

всего смотрит на институциональные основания советского влияния на мировую антиколониальную и постколониальную культуру. Его интересует, кто где учился, какие фестивали и мероприятия посещал, где публиковался, с какими литературными произведениями и фильмами был знаком. Исследование, впрочем, не ограничивается историей институтов: автор пытается проследить те возможные сюжеты, фокусы, способы видеть, которые могли быть заимствованы из советского опыта или появлялись в результате взаимодействия с ним. Конечно, если связь с институтами можно более или менее уверенно реконструировать по архивам (даже если она замалчивается и вычеркивается из более поздних автобиографий), то работа с заимствованиями или рождением из контактов и отношений с этими институтами набора идей и практик оказывается более проблематичной, поскольку их генеалогия не всегда прямолинейна. Джагалов признает, что представители культуры «третьего мира» могли критически относиться к советскому опыту, одновременно находясь под влиянием конкурирующих западных культурных проектов; да и сами советские практики были разнообразными – официальными и неформальными, идеологическими, личными и денежными, – и их влияние неравномерно распределялось во времени, то усиливаясь, то ослабевая. Однако нельзя не согласиться с наблюдением автора книги, что даже отрицание советского опыта тоже было фактором формирования антиколониальной и, позже, постколониальной мысли.

Первые три главы монографии посвящены литературе. В главе «В советской литературной орбите: начало 1920-х – середина 1950-х годов» говорится о раннесоветских проектах распространения революционных литературных сюжетов, образов и стилистики в странах Азии и Латинской Америки. Эти проекты, на начальном этапе продвигаемые Коминтерном, включали в себя не только переводы художественных произведений или организацию творческих и политических встреч, но и обучение выходцев из других стран в советских культурных учреждениях, таких как Коммунистический университет трудящихся Востока и Международное объединение революционных писателей. В числе тех, кто формировал свою творческую биографию в Советском Союзе, были турецкий поэт Назым Хикмет, писатели Эми Сяо из Китая и Мулк Радж Ананд из Индии, чилийский поэт и политик Пабло Неруда, ставшие затем классиками своих национальных литератур. Сама раннесоветская политика мировой культурной экспансии была недолгой и в середине 1930-х годов стала сворачиваться, заменяясь официальным соцреализмом; однако созданная ею литературная традиция продолжала, утверждает Джагалов, влиять на активистов «третьего мира» вплоть до 1950-х годов.

Глава «Ассоциация писателей стран Азии и Африки (1958–1991) и ее литературное поле» рассказывает о том, как советские политики возобновили в позднесоветский период проект культурного влияния на страны упомянутых регионов, проходившие в это время процесс деколонизации и становления собственной политической субъектности. Холодная война в форме развернувшегося соревнования сверхдержав за влияние на новые страны «существенно приумножила, – как пишет Джагалов, – символические и материальные ресурсы, доступные деятелям культуры третьего мира [...] расширила и имевшееся у них пространство для

маневра» (с. 28–29). Здесь автор анализирует деятельность созданной в Ташкенте Ассоциации писателей стран Азии и Африки, финансировавшегося СССР ближневосточного журнала «Лотос», московского издательства «Прогресс», советских литературных премий, а также исследует политики переводов; все перечисленные проекты конкурировали с западным культурным влиянием. Многие известные авторы «третьего мира» – сенегалец Усман Сембен, пакистанец Фаиз Ахмад Фаиз, палестинец Махмуд Дарвиш, индонезиец Прамудья Тур, кениец Нгуги Ва Тхионго и Алекс Ла Гума из Южной Африки – пользовались этими возможностями, хотя, как пишет Джагалов, сегодня «об их участии в этих более ранних совместных с СССР проектах успели забыть» (с. 57). Несмотря на огромные размеры ресурсов, вкладывавшихся для усиления советского влияния на «третий мир», притягательность советского примера утрачивалась, как замечает автор книги, из-за формализма, неискренности и поучительного тона советских чиновников. Не удалось этим проектам и увлечь переводами афро-азиатской литературы собственно советскую публику, видевшую в них скорее официальный идеологический заказ.

Третья глава «“Связи, которые нас объединяют”: нарративы солидарности в литературе стран третьего мира» повествует уже не об институциональных связях советского государства с деятелями культуры «третьего мира», а об эстетических последствиях такого взаимного знакомства. Автор анализирует три литературных приема: «топос заграничной утопии» и отсылки к революциям в других странах для легитимации собственной борьбы; «повествовательные цепочки», связывающие производства и структуры управления и воссоздающие образы «системы эксплуатации»; сюжеты, организованные «вокруг железнодорожных сетей» и создающие образы «воображаемого сообщества новой постколониальной нации».

Последние две главы рассказывают о кино. Переключаясь на другую культурную практику, автор, по его признанию, стремится более объемно показать советскую культурную политику и «логику советских чиновников в сфере культуры» (с. 53). В главе «Ташкентский кинофестиваль (1968–1988)» рассматривается роль обозначенной в заглавии площадки для взаимодействия советской культуры с культурами других стран. Автор подчеркивает, что выбор именно Ташкента, столицы Узбекской ССР, в этом случае, как и в случае литературных проектов, диктовался желанием использовать собственные «азиатские» регионы для пропаганды тех изменений, которые имели место в южных советских республиках, и опираться на местных культурных деятелей для установления контактов с «третьим миром». И хотя опять же политическое кино «третьего мира» не получило популярности в СССР, Ташкентский кинофестиваль делал большую работу по установлению культурных связей с незападным миром и одновременно демонстрировал субъектность «азиатских» республик в советском проекте.

В главе «“Братья!”: документалистика солидарности», как и в третьей, автор предпринимает попытку отыскать «советский след» – на этот раз в «третьем кинематографе» Латинской Америки 1960–1970-х годов. Рассматривая документалистское творчество советского режиссера Романа Кармена, нидерландского и французского коммунистов Йориса Ивенса и Криса Маркера, снимавших филь-

мы солидарности об Испании, Индонезии, Вьетнаме, Кубе и Чили, Джагалов реконструирует «общий нарратив» изображения революционных событий и преобразований, который в свою очередь стал, как считает автор, образцом для латиноамериканских режиссеров. Впрочем, советское влияние на мировое кино, по признанию исследователя, не было значительным. В отличие от советской художественной литературы, стоявшей на фундаменте мировой известности русской классики и сохранявшей авторитет благодаря мощной институциональной поддержке, советское кино в силу высокой стоимости производства и проката не могло конкурировать с западным.

Эпилог книги представляет собой размышления о судьбе советских проектов влияния на культуру «третьего мира». Мощные на этапе Коминтерна, они постепенно утрачивали свою силу, отказывались от марксистских, антиколониальных и антирасистских корней, теряли союзников и постепенно вычеркивались из их поздних (авто)биографий. Джагалов констатирует, что после распада СССР литература и политическое кино стран Азии, Африки и Латинской Америки, за редкими исключениями, исчезли из российского культурного пространства. Точно так же, как и советская культура, видимо, исчезла из пространства культур «третьего мира». Современные постколониальные исследования родились из взаимодействия «третьего» и «первого» миров на фоне упадка антиколониальных призывов «второго». При этом автор утверждает, что нынешняя культура «третьего мира» с его постколониальными образами все-таки испытала на себе советское влияние. Джагалов видит эту генеалогию не линейной, а прерывистой, изменчивой и ревизионистской, рисуя ее как постепенный отказ от интернациональных идей солидарности и трансформацию в постколониальные взгляды, воспринявшие «тонкие рассуждения французского постструктурализма» (с. 370) и потерявшие революционный порыв своих предшественников. «Основное направление постколониальной теории, представленное [Гаятри] Спивак, [Хоми] Бабой, [Дипешем] Чакрабартти и специалистами по субалтерным исследованиям [...], – заключает Джагалов, – служит инструментом остроумного анализа, но почти ничего не дает для политической практики, к которой имеет весьма отдаленное отношение» (с. 373).

Исследование, которое должно включить в себя всю советскую историю и все возможные взаимодействия советской культуры с культурами огромного «третьего мира», вряд ли можно назвать легким в исполнении. Это касается и объема источников, и неполного, выборочного доступа к ним, и ангажированности, слепых пятен самих источников. К этому можно было бы добавить, что проблема советского влияния на идеологию «третьего мира» могла бы включать академические, экономические и политические, а не только культурные проекты, что делало бы исследование всего этого спектра еще более масштабным и скорее всего невыполнимым. Было бы также полезно, на мой взгляд, посмотреть не только на то, как советский опыт менял культурную и идеологическую повестку в «третьем мире», но и на то, какое воздействие сам «третий мир» оказывал на формирование советского опыта. Несмотря на эти ограничения, само предложение увидеть советскую историю в качестве важного и, может быть, даже одного из базовых факторов,

создавших в XX веке международный дискурс антиколониализма, постколониализма и деколонизации, выглядит интересным и обещающим в будущем новые исследования в этом же ключе. «Это только начало» – такими словами заканчивается книга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тольц, Вера. (2011) 2013. *«Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период*. М.: Новое литературное обозрение.